

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8(928) 279-36-28.

Гасанова Замира Гаджимурадовна
Hasanova Zamira Gadzhimuradovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dagestan State Institute of National Economy, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8(928) 279-36-28.

Фатхи Валентина Игоревна
Fatkhi Valentina Igorevna

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Lecturer, Department of Civil and Legal Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8(989) 634-59-91.

**ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИДЕАЛЫ
В ПЕРИОД ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

The image of autocracy and state and legal ideals in the old Russian state period

В статье анализируется постепенное становление идеологии самодержавия в России. Указывается, что в процессе формирования самодержавия государственная власть мыслилась как власть княжеская, а впоследствии царская, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей носителю верховной власти, ограниченной только религиозно-нравственными нормами.

Ключевые слова: самодержавие, государственно-правовые идеалы, Древнерусское государство, государственность, христианство.

The article analyzes the gradual formation of the ideology of autocracy in Russia. It is stated that during the formation of the autocracy, the government conceived in the power of the prince, and later royal, which is based on the principle of full power, belonging to the supreme power, limited only by the religious and moral norms.

Keywords: autocracy, state-legal ideals, ancient Russian state, statehood, Christianity.

Строительство русской государственности начинается в период царствования святого князя Владимира. Все, что предпринимал в своей государственной деятельности равноапостольный князь, было выражением христианской любви и стремлением к вечному спасению подданных. Главным желанием Владимира было создание теократического христианского государства, а значит, организация социальной, правовой и политической жизни таким образом, чтобы она служила делу Царства Божия.

Благодаря князю Владимиру происходит закладка ряда архетипов русской политической и правовой культуры, среди которых можно выделить следующие: 1) это архетип *Русская земля* как символ земного места совершения спасения и восхождения в Царство Божие; 2) *Святая Русь* как образ огромного дома, обители русского народа и православной христианской веры; *князь* как защитник веры и земли Русской, отвечающий перед Богом за ее судьбу и судьбу ее людей. Обязан-

ности князя рассматривались как данные свыше, «от Бога», среди которых наипервейшая – забота о спасении своего народа. Соответственно, внешнеполитическая задача князя – обеспечение мира, необходимого для тихой и кроткой христианской жизни.

Так, постепенно складывалась в России самодержавная монархическая идеология, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей носителю верховной власти, ограниченной только религиозно-нравственными нормами. Идеология самодержавия складывалась постепенно. Следует обратить особое внимание на деятельность великого киевского князя Владимира Мономаха (1053–1125). О его взглядах мы можем судить, изучив тексты «Повести временных лет», «Поучения детям», «Отрывка (автобиографии)», «Послания Олегу Черниговскому», известные как «Поучение Владимира Мономаха» [1, с. 71; 2]. В этих книгах содержатся нормы нравственного характера, необходимые для самоограничения правителя: все дела великому князю следует решать с советом дружины; суд вершить по правде; не творить смертной казни, не мстить; все усилия направлять на поиски мира. Основные идеи «Поучения» рисуют следующий образ правителя. Князь в отношениях с другими князьями должен уважать «старейшего» князя, не иметь вражды с другими князьями, искать возможности не проливать кровь, сохранять мир и спокойствие на Русской земле. Владимир Мономах считает важным преодолевать желания нападать на чужие княжества. В ответ на зов братьев захватить власть Ярославичей он говорит: «Хоть вы и гневайтесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить». По его мнению, разрушение политического договора, в основу которого положено крестоцелование, является религиозным преступлением. Поэтому нравственность правителей – основа единства Русской земли [3, с. 37–40].

Одним из первых богословско-правовых и политических русских трактатов, в которых изложены идеи государственного права, было «Слово о законе и благодати» киевского митрополита. В нем решался целый ряд богословских, аксиологических, политических задач, среди которых отвержение иудейского вероучения с его узкой трактовкой закона, урегулирование вопроса о соотношении Вет-

хого и Нового Заветов, христианства и иудаизма, а также затрагивалась проблема независимости Русского государства и русской церкви от Византии.

Начинается произведение такими словами: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского (дошла). И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей». Важным для Илариона видится образ идеального князя, воплощением которого был князь Владимир. Прежде всего недопустимо властвовать над людьми ради власти: «власть должна употребляться праведно». Князь должен быть единоподержцем всей земли, творить милостыню и быть щедрым к своим подданным, заботиться о сирых, болящих, вдовах и всех иных, требующих милости, а также о «церквах и монастырях».

Описывая личные качества Владимира и его заслуги, Иларион формирует образ правителя: это христианин, творящий милостыню, защитник Руси и православной церкви. Иларион сравнивает князя Владимира с императором Константином Великим – основателем Византии и указывает на продолжателя дела Владимира – его сына Ярослава.

Также важным для понимания государственно-правовых взглядов и конституционного правосознания правителей, общественных деятелей и всего народа Древнерусского государства представляется «Моление Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу». Моление – памятник древнерусской литературы, возникший в начале XIII века. Основой текста является послание Даниила к князю Переяславля Ярославу Всеволодовичу. Это произведение показывает потребность в укреплении великокняжеской власти, единство которой было необходимо для обороны государства. Центральной политической идеей произведения служит описание образа великого князя. Князь должен быть внутренне прекрасен милосердием, мужеством и твердостью в принятых решениях, управление его – справедливо («дуб крепок множеством корения, тако и град наш твоею державою»). Даниил сравнивает князя с капи-

таном корабля и считает верховным главой своим людям («корабль глава кормник, а ты, князь, людом своим»). Он отмечает, что в том случае, если «в его народе анархия, в державе нет порядка, то сильное государство может погибнуть».

Держать совет князь должен с «думцами», которые подбираются им по уму и справедливости. Кроме того, он должен собрать могучее войско во главе с опытным воеводой, которое и есть его сокровище – «богатство во множестве храбрых и мудрых людей».

Присутствует в произведении и тема «царской грозы», царского гнева на неправду, творимую подчиненными. Следует сказать, что данная «гроза» не является проявлением «дурной агрессии», так как ограждает «яко оградам твердым». Она необходима для ограничения произвола со стороны боярского самоуправства, которое разрушает централизованное управление: «конь тучен яко враг смылит на князя злое», а «боярин богат и силен, и он на князя своего мыслит все злое». «Гроза» нужна и для внутренних врагов, и для внешних. Благодаря ей будет восстанавливаться нарушенная справедливость.

Историки определяют конец XIV–XV век как «эпоху подъема национального самосознания» в Русском государстве. В это время одержана победа над татаро-монгольским игом, преодолена феодальная раздробленность, произошло объединение русских земель в Московское государство, Московию. Так, в «Куликовском цикле» звучат мотивы прославления Москвы и объединения народных сил.

По мнению некоторых авторов, «верховная власть в обществе и лично персона ее носителя стали усиленно наделяться чертами сакральности... ее полномочия теперь распространялись на всю территорию, и не было на ней более властителя, равного по значению великому князю московскому» [4, с. 11]. Ю. В. Кривошеев полагает, что великий князь в то время был лишь первым среди равных.

В любом случае понятие «самодержавие» означало самовластие, независимость государственной политики, а не абсолютизм. С этим термином общество отождествляло идею независимости народа и его правителя. Власть князя имела религиозное основание, однако большую роль играло мнение «совета при князе», трансформировавшегося со временем в

Боярскую думу – постоянный совещательный орган. В силу всеобщей воцерковленности на Руси проблемы политического управления не захватывали умы богословов и интеллектуалов. В отличие от западных народов, отечественные мыслители волновались не о хлебе земном, а о Царствии небесном. В этой связи вопрос о соотношении светской и церковной власти, тема статуса церкви были единственными для государственного права России тех времен. Особенно актуализировался он по мере укрепления власти церкви и обретения ею независимости в 1448 году от Византии. Рост политических и экономических возможностей привнес в богословские политические дискуссии соответствующие вопросы, особенно остро проявившиеся в иосифлянстве и нестяжательстве.

Нестяжательство основано было святым Нилом Сорским (1433–1508). Продолжатели нестяжательской программы – Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Это слово отражает отказ монашеского слоя от частной собственности, так как при постриге монахи дают обет нестяжания. Концепция нестяжания Нила Сорского построена на критике собственности церкви и использования людской рабочей силы. По его мнению, христианство и частная собственность слабо совместимы в монастырской жизни. Потеря экономического могущества приведет и к исчезновению угрозы «обмирщения» монахов, а также к прекращению политической борьбы со светской властью. Нил Сорский был противником государственного вмешательства в дела веры и наказания еретиков. Он полагал, что принцип человеческой свободы неприкосновенен и исправление человека достижимо исключительно нравственными средствами, самовоспитанием, полным проникновением в заповеди Христовой любви. Страх Божий, о котором тоже пишет Нил Сорский, служит лишь импульсом к духовному очищению, к тому, чтобы человек всем сердцем возжелал познания великих евангельских истин Христовой любви [5].

Продолжателем концепции нестяжательства был Максим Грек. Его идеи относительно способа овладения властью и ее осуществления крайне важны. В трактате с характерным названием «Инока Максима Грека слово, пространне излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»

пространно с цитатами из Священного Писания излагается речь Василия, в которой говорится о злодеяниях царей и вообще власть имущих, о грядущем за это наказании их [6]. «Нет уже ныне царей благоверномудренных», – говорится далее в его трактате, так как все правители нынешние самолюбивы, агрессивны, тщеславны, враждебны.

Максим Грек предлагал царю построить государство по Христовым заповедям и всегда творить «суд и правду посреди земли, как есть писано». «Ничего не предпочитай правде и суду Царя Небесного, Иисуса Христа... – писал он, – ибо ничем другим не можешь так благоугодить Ему и привлечь Его милосердие и благодеяния на твою богохранимую державу, как твоею правдою к подчиненным и праведным судом...». По мнению Максима Грека, царь руководит страной вместе с митрополитом, следуя его советам. Именно это он постоянно подчеркивал в своих посланиях московским государям. «Ты имеешь при себе... Варлаама, Пресвященного Митрополита всея России, духовного отца твоей державы и всегдашнего ходатая к Богу, – писал он великому князю Василию III. – При вашем обоюдном согласном управлении чисто сияет благочестие, соединенное с правдою и благозаконием». «Состоящего при тебе Пресвященного Митрополита и боголюбивых епископов сподобляй всякой чести и береги их, как ходатаев к Богу... – обращался Максим Грек к царю Ивану IV, – и что они будут советывать тебе на пользу твоей богохранимой державе, в том слушай их, ибо, слушая их, слушаешь Самого Спасителя и Царя твоего Иисуса Христа...».

Однако нестяжатели не представляли царя равным святителям. Ведь земной царь склонен к порокам, поэтому не может быть равен служителям Бога. Проблему взаимоотношений церкви и государства идеологи нестяжательства решали так: «...Святительство и Царя мажет и венчает и утверждает, а не Царство святителех». И отсюда Максим Грек делал вывод: «Убо больши есть Священство Царства земскаго, кроме бо всякаго прекословия меньша от большого благословляется» [7].

Таким образом, в учении нестяжателей звучит новое прочтение византийского принципа «симфонии властей», в котором каждая власть самостоятельна и независима в служении общей цели – спасению христиан.

Идеи преподобного Максима Грека обладают явной конституционной актуальностью. Богослов к легальным способам происхождения власти причислял не только наследственное занятие престола, но и выборное. Власть правителя ограничена не государственным советом, законом, а количеством нравственных качеств. Преподобный провозглашает право человека на свободу вероисповедания, так как считает, что человек свободен – без свободы нет ответственности. Цель государства заключается в построении мирной и спокойной жизни, необходимой для христианского спасения. Применение закона должно сопровождаться милостью, царь должен уважать чиновников, награждать воинов, защищать сирых и обидимых, слушать советы мудрых.

Иосифляне во главе с Иосифом Волоцким (1440–1515) обосновывали сохранение экономического и политического могущества церкви. Если человек, принимающий постриг, «должен отречься от «всякие вещи» и не иметь власти ни над чем», то богатство монастыря должно приумножаться постоянно, так как оно необходимо для добрых дел, просвещения населения в вопросах веры, социального служения церкви. Надо сказать, что взгляды преподобного Иосифа определялись идеей социальной благотворительности церкви как организующего начала человеческого общежития. Своими обязанностями он видел укрепление духовно-политического значения церкви, превращение ее в общественную силу для утверждения в русском обществе церковно-православных идеалов. Царь и царская власть не соизмеримы с духовной властью.

«Царь бо Божий слуга есть... – писал Иосиф Волоцкий. – Сего ради подобает тем преклоняться и служитителесне, а не душевне, и вздавати им царскую честь, а не божественную». Царь может иметь страсти, пороки, и в случае произвола ему не следует покоряться.

Одним из важнейших достижений Иосифа Волоцкого, которое ему часто «вменяется в вину», является борьба с ересью «жидовствующих», угрожающей не только церкви, но и государству, так как она разрушает государственную идеологию. По его мнению, казни заслуживают даже те православные, которые не сообщили о еретиках властям: «Се убо явьствено есть, яко не точию осужати подобает, но и казнем лютымъ предавати, и не точию

еретики и отступники, но аще и правоверии будутъ сами, и уведавши же еретики или отступники, и не предавать судиямъ, конечную муку подымутъ». Однако судить строго его нельзя, так как ересь «жидовствующих» была вызовом национальной безопасности Руси, спровоцированным извне, и угрожала гибелью всему государству.

Однако если он был склонен к принципу превосходства «священства» над «царством», ибо считал светскую власть зависимой от Закона Божиего, то затем признал приоритет власти государя? В своих посланиях, обращаясь к великому князю московскому Василию Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но «самодержцем», «царем» и «государем всея Русая земля», то есть теми титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал. Более того, преподобный Иосиф Волоцкий говорил о божественном происхождении власти русского государя, уподобляя его земную миссию Божию Промыслу: «Ты же убо, о дръжаны царю, и скипетръ царства приим от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им. Царь убо естеством подобен вышнему Богу. Но якоже Бог хочет всех спасти, такоже царь все подручное ему да хранит, яко да Божию волю сътворив, приимши от Бога присносущное радование и воцаришися с Ним во веки радуаяся».

Идеи Иосифа Волоцкого развил автор концепции «Москва – Третий Рим», монах псковского Елеазарова монастыря Филофей (XVI в.). Основным объектом его сочинений является царская власть, ее происхождение и значение. Говоря о единой царской власти в Московском государстве, Филофей отмечает византийские ее корни, указывает на богоизбранность правителей и божественную природу власти конкретного правителя, который, по словам мыслителя, «поставлен есть от Бога», «сердце бо царю в руке божией и слуга бо есть божий». Важно беспрекословное подчинение его воле. Филофей пишет: «Да не внидет в сердце тебе всяко слово и помышление лукаво или к Богу неблагодарение или на государя хулен помысел».

В 1500 или 1501 году Филофей обращался к Ивану III: «Нынешняя церковь третья, Новый Рим... и да будет тебе известно, омиловитый царь, что все империи православной

христианской веры слились в твою империю. Ты есть единственный император всех христиан во всей вселенной... потому что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть» [8]. По мнению многих исследователей, идея Третьего Рима связана с православной эсхатологией: Русь во главе с царем становится защитницей истинной христианской веры. Завершая анализ эпохи самодержавия, нельзя не отметить тот факт, что важнейшими фигурами в политико-правовой мысли XVI века являются Андрей Курбский и Иван IV, которые довольно противоположны в своих высказываниях.

Курбский описывает Грозного как нехристианского царя, диктатора. Грозный полагает: «Мы сами обладаем властью, данной нам от бога». Он уверен, что такое происхождение оправдывает политическую беспринципность: «... всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими...».

Если для Ивана IV идеальное государство – это абсолютная (безграничная) монархия, то для Андрея Курбского – ограниченная. Иван Грозный считал, что царь, его воля, его настроение святы. Андрей Курбский утверждал, что «цари и князи от Всевышнего помазуются на правление... Державные призванные на власть от Бога поставлены». При этом Курбский дал критическую оценку законодательства, руководствуясь идеей о разделении правды и законов, ей противоречащих.

По мнению Курбского, идеальная форма правления – это ограниченная монархия, имеющая сословно-представительный орган, который участвует «в разрешении всех важнейших дел в государстве». Этот орган (совет всенародных человек) должен состоять не из приближенных царя, а из представителей различных социальных слоев, получающих место выборным путем.

Таким образом, на этапе формирования самодержавия государственная власть мыслилась с религиозно-нравственных позиций как власть княжеская, а впоследствии царская, ограниченная заповедями Божиими, страхом Божиим, целями воцарения Руси и построения христианского государства и общества. При этом идеология самодержавия основывалась на ряде политических идей: Москва – Третий Рим; Россия – наследница Византии. На этом этапе религиозно-нравствен-

ные границы власти монархов показали свою неспособность ограничивать и контролировать тех из них, которые не были в состоянии последовательно исполнять заповеди Божии в своей деятельности. Постепенно развивается идея ограничения царской власти.

Если учесть, какую симпатию и любовь вызывало старчество и иночество православных верующих на Руси, то становится очевидным, что учение нестяжателей должно было получить широкое распространение среди народа. В действительности русский человек, не переставая считать себя «православным», очень часто «расходился с идеей монархического абсолютизма и иначе рисовал политический строй, который считал нормальным и справедливым» [9, с. 64].

С одной стороны, идеология иосифлян, являвшаяся, по сути, официальной, воспроизведенная в пословицах и поговорках народом, свидетельствует о социокультурной легитимации власти московских царей. С другой стороны, существует достаточное количество народных сказаний, на основании которых приходили к выводу о том, что в сознании людей всегда присутствовал и момент резкого политического протеста, глубокой социальной критики царской власти, государевых чиновников, несправедливого суда [10, с. 82]. В целом народ принял идею иосифлянской монархии с ее, в общем-то, ветхозаветными принципами, идеей «симфонии властей», но в его менталитете сохранилось уважение к идеалам и учению «заволжских старцев», с их евангельской проповедью нестяжательства, отделения духовной власти от политической, идеями личной свободы и так далее.

Таким образом, в русском народе, несмотря на полное доверие московскому самодержавию, всегда присутствовали и иные настроения, связанные с идеей диктатуры, твердой единоличной власти, царской «грозь», а также демократическими взглядами. Важно также обратить внимание на восприятие князя народом как подвигоположника. В статье «Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России» известный русский правовед М. В. Шахматов обосновывает идею о том, что история русской государственности базируется на идеале князя-подвигоположника. Князь-труженик, мученик олицетворяет народный политический идеал России [11, с. 5]. Внеш-

ние угрозы, удельные порядки, влияние христианской мысли привели к тому, что в царе, жертвующем собой, народ видел красугольный камень сохранения русской веры и независимости. Если в былинной, языческой Руси княжеская власть – олицетворение силы и привилегий, удали Руси, то после принятия христианства княжеская власть уподобляется подвигу, тяжелому и изнурительному труду. М. В. Шахматов полагает, что подвиг власти сближает царя с жертвой Христа, освящает государственную власть: «Но мы знаем и другой вид подвигов, целью которых является служение праву, правде и справедливости. Только подвиги последнего вида ведут к образованию истинного общественного порядка и крепких государственных устоев. Высшее проявление такого подвига есть подвиг любви, страдания, самопожертвования во имя Божие, во имя высоких убеждений, ради ближнего и отечества. Пути к нему мы находим в страдании, очищающем и возрождающем. В христианстве подвиг страдания получает высочайшее религиозное освящение: всем людям, и подчиненным, и властвующим, преподана заповедь последования Христу» [11, с. 5].

Исследователи отмечают, что идеал царя-мученика долгое время сопровождает русскую историю [12, с. 6–9]. Самопожертвование князя состояло в обороне страны и веры, невзирая на свои интересы. Поэтому идеал государя на Руси – это мученик, отдавший свою жизнь ради спасения родины и сохранения веры. М. В. Шахматов писал: «Московская государственная старина и государственные идеалы во многих отношениях жили очень долго. Идеал мученического подвига власти, кроме христианских учений, поддерживался также необходимостью для всей страны вести вечную, почти непрестанную и очень тяжелую борьбу с многочисленными неприятелями, нападавшими со всех сторон на русские границы. Идеал этот не исчезает вовсе и после падения татарского ига, но постепенно видоизменяется: к началу мученического подвига в этом идеале присоединяется и начинает занимать преобладающее место подвиг неустанный, тяжелого труда власти, ведущей свой народ к благоденствию и просвещению».

Жертвенность царя передается народу: народ и царь делают одно общее дело ради ду-

ховного спасения и выживания в борьбе с другими народами. По словам М. В. Шахматова, «в течение веков несли российские властодержцы “великое служение” своему народу, творческое, полное трудового и мученического подвига. Несли это служение они не одни:

вместе с ними подвиг страдания, подвиг служения Царству Всероссийскому совершил весь русский народ» [12, с. 12].

Литература

1. История русской литературы X–XVII веков: учебное пособие / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др.; под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979.
2. Золотухина М. Н. Владимир Мономах и развитие русской правовой культуры // Советское государство и право. 1982. № 5.
3. Сосенков Ф. С. Об идеях государственного единства в политико-правовых взглядах Владимира Мономаха // История государства и права. 2014. № 9.
4. Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М., 2012.
5. Перевезенцев С. В. Нил Сорский. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35564.php>.
6. URL: http://www.rhistory.ru/Istochniki06_046.html.
7. URL: <http://www.historicus.ru/168>.
8. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2001.
9. Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Русский народ и государство. М., 1998.
10. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
11. Шахматов М. В. Государство правды. М., 2008.
12. Васильев А. А. Концепция государства правды и царя-подвигоположника М. В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5.

Bibliography

1. History of Russian literature of X–XVII centuries: textbook / L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, Ya. S. Lurie et al.; ed. D. S. Likhachev. Moscow, 1979.
2. Zolotukhin M. N. Vladimir Monomakh and the development of Russian legal culture // Soviet state and the right. 1982. № 5.
3. Sosenkov F. S. On the ideas of nationality in the political and legal views of Vladimir Monomakh // History of state and law. 2014. № 9.
4. Yaroslavtsev V. G. Moral justice and judicial law-making. Moscow, 2012.
5. Perevesentsev S. V. Neil Sora. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35564.php>.
6. URL: http://www.rhistory.ru/Istochniki06_046.html.
7. URL: <http://www.historicus.ru/168>.
8. Hosking J. Russian: Nation and the empire. Smolensk, 2001.
9. Alekseev N. N. Christianity and the idea of the monarchy // Russian people and the state. Moscow, 1998.
10. Alekseev N. N. Russian people and the state. Moscow, 1998.
11. Shakhmatov M. V. The state of truth. Moscow, 2008.
12. Vasiliev A. A. The concept of the truth of the state and the king M. V. Shakhmatov // Government and local self-government. 2013. № 5.